

**ТЕОРИЯ
ЗАГОВОРОВ**

АЛЕКСАНДР КОСТИН

УБИЙСТВО СТАЛИНА

ВСЕ ВЕРСИИ И ЕЩЁ ОДНА



Теория заговоров

Александр Костин

**Убийство Сталина.
Все версии и еще одна**

«Алисторус»

2017

УДК 355/359
ББК 63.3

Костин А. Л.

Убийство Сталина. Все версии и еще одна / А. Л. Костин —
«Алисторус», 2017 — (Теория заговоров)

ISBN 978-5-906979-47-6

В российской истории тема «смерть Сталина» занимает особое место. По мнению одних, умереть Отцу народов помог Берия. Другие утверждают, что это были Хрущев и Маленков, третьи – что вождя умертвили врачи. Известный историк А.Л.Костин подробно рассматривает и отвергает их как не соответствующие действительности. Но кто же тогда виновен в смерти Сталина? Автор последовательно отслеживая этапы 30-летней борьбы И.В.Сталина с ленинским феноменом «коллективного руководства» страной, не исключает, что эта «война» с собственной партией неминуемо сказалась на состоянии здоровья вождя и приблизила роковую катастрофу марта 1953-го. Поэтому можно сказать, что убийцей Сталина не в криминальном, а в политическом смысле является «партия нового типа», которую, на беду России, создал в начале XX века В.И. Ленин, а в эпоху застоя возглавил другой Ильич – Леонид Брежнев.

УДК 355/359

ББК 63.3

ISBN 978-5-906979-47-6

© Костин А. Л., 2017

© Алисторус, 2017

Содержание

Глава 1. Л.П. Берия – организатор убийства И.В. Сталина?	6
Глава 2. «Классическая» версия Н. Зеньковича[1]	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Костин

Убийство Сталина. Все версии и еще одна

© Костин А.Л., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

* * *

*Некоторые теории остроумны и глубоки в силу своей глубокой
ошибочности.*

Михаил Бойко, журналист

Глава 1. Л.П. Берия – организатор убийства И.В. Сталина?

Основные версии причины «загадочной» смерти Сталина в основном основываются на «трех источниках и составных частях» этих версий:

- воспоминаниях свидетеля событий, случившихся 28-го февраля – 5 марта 1953 года, Н. С. Хрущева;

- книге А. Авторханова «Загадка смерти Сталина (Заговор Берии)», вышедшей в 1976 году во Франкфурте-на-Майне и ставшей доступной советскому (русскому) читателю в начале 90-х годов после публикации отрывков этой книги в журнале «Слово» в мае 1990 года;

- «легенде Лозгачева («лЛ»), родившейся следом за зарубежным изданием книги А. Авторханова в результате совещания, проведенного А. Рыбиным с оставшимися в живых непосредственными свидетелями смерти Сталина – представителями военной спецхраны И. В. Сталина.

Все «три источника» удивительно противоречивы, грешат неточностями и совершенно фантастическими вымыслами, что невольно наводит на мысль об их ангажированности, особенно первый и третий из названных выше источников.

«Свидетельства» Н. С. Хрущева таковыми можно считать с большой натяжкой, поскольку в зависимости от обстоятельств и по мере удаления от тех трагических дней, он решительно менял свою точку зрения и «вспоминал» именно то, что ближе всего соответствовало создававшейся той или иной политической конъюнктуре.

«Легенда Лозгачева» по своей содержательной части настолько неестественна и фантастична, что просто не может использоваться в качестве документального источника при анализе ситуации, связанной со смертельной болезнью И. В. Сталина. «Ценность» «лЛ», однако, состоит в том, что она может «подсказать», что же пытались скрыть составители легенды, авторами которой, совершенно очевидно, не являются представители охраны. Об этом, прежде всего, говорит сама процедура ее появления и введения в оборот. Действительно, не прошло и года после выхода сочинения А. Авторханова на Западе, как появляется альтернативная версия «Загадки смерти Сталина», призванная опровергнуть самые фантастические версии, широко «гулявшие» в свое время в западных СМИ и вновь «озвученные» А. Авторхановым.

Первый вопрос, который задает себе пыливый читатель, почему в 1956–1957 годах эти версии (И. Эренбурга, П. Пономаренко, «старых большевиков») не вызвали сколько-нибудь серьезной ответной реакции со стороны официальных властей страны, а поздняя публикация этих версий в книге А. Авторханова имела столь серьезные, но самое главное, столь «загадочные» последствия. Ведь никому нынче не приходит в голову мысль, что один очень «инициативный» охранник А. Рыбин вдруг «вспомнил» через 24 года, что, наверное, остались еще в живых свидетели этой смерти, и что нужно их собрать и «договориться» об идентичности своих «воспоминаний». Понятно, что инициатива создания единой и неповторимой «версии охраны» исходила из правительственных кругов, которые ни до этого момента, ни после не поднимали вопроса об официальном исследовании результатов расследования этого загадочного явления. Таким образом, «легенда Лозгачева» никаким документальным свидетельством смертельной болезни И. В. Сталина не является, но, по странному стечению обстоятельств, вот уже 33 года она тщательно анализируется, критикуется, признается или частично отвергается всеми исследователями, кто бы ни обращался к этой теме.

Следовательно, наиболее достоверным источником для объективного исследования «загадочной смерти Сталина» является, как раз, сочинение А. Авторханова, несмотря на его патологический антисоветизм и антисталинизм. По крайней мере, все, что касается непосред-

ственно приведенных в книге версий «убийства» Сталина, автором лично ничего не придумано. Мало того, собрав воедино «гулявшие» в течение 20-ти лет в западных СМИ, и опубликованные на Западе в «Воспоминаниях Хрущева», взаимоисключающие версии «убийства Сталина», сам автор относится к ним весьма критически, уповая на то, что ему недоступны были архивные материалы, которые могли бы подтвердить или опровергнуть эти версии. Чего нельзя сказать о современных авторах, по-прежнему вдоль и поперек «исследующих» явно завиральную «легенду Лозгачева».

Эта легенда «удобна» тем, что на ее основе можно все что угодно доказать и, напротив, все что угодно опровергнуть. Этому в немалой степени способствует первый из вышеназванных первоисточников – мемуары Н. С. Хрущева. Поскольку при сопоставлении этих двух версий, буквально «ум за разум заходит», то для «исследователей» открывается такой простор для умопомрачительных гипотез и версий, что назвать их, кроме как фантастическими, никак нельзя.

Со временем сложилась некая устойчивая «классическая» версия о последних днях жизни Сталина, которую в систематизированном виде оформил и опубликовал Н. Зенькович («Тайны уходящего века – 3. Лжесвидетельства. Фальсификации, Компромат». М.: «Олма-Пресс», 1999). Версия Н. Зеньковича «выдвигает» в качестве основного организатора убийства Сталина Л. П. Берию, хотя не исключает участие в этом преступлении, возможно косвенно, и других членов знаменитой «Четверки» (Н. Хрущев, Г. Маленков, Н. Булганин).

Другой вариант «классической» версии убийства Сталина развил Ю. Мухин, который, в отличие от Н. Зеньковича, решительно исключил из числа потенциальных убийц Сталина Берию, а основную ответственность за это преступление возложил на Н. С. Хрущева, который, как мы уже видели ранее, и сам неоднократно намекал на свое участие в этом «загадочном преступлении».

Последующие поколения исследователей поддерживали и развивали одну из этих «классических» версий в зависимости от своих симпатий или антипатий к Сталину и Берии. Мало-помалу круг «исследователей» стал смыкаться, они ссылались на первоисточники, на версии Н. Зеньковича или Ю. Мухина, а затем и друг на друга, как на достоверные источники, двигаясь, по существу, по замкнутому кругу. При этом образовался не один круг, а, как минимум, два. В первом (наиболее многочисленном) круге ходили друг за другом те «исследователи», которые главного заговорщика (убийцу, отравителя) видели в лице Л. П. Берия («берияфобы»). Закоперщиком и идейным вдохновителем этого «круга» был Н. С. Хрущев, который дал пищу для этих исследователей своими мемуарами и «историческими» высказываниями по обвинению Берии в насильственной смерти Сталина. Первым «берияфобом» был как раз А. Авторханов. Большинство других «берияфобов» были еще и антисталинистами (Э. Радзинский; Н. Над; Ф. Волков), некоторые другие, напротив, были лояльными по отношению к Сталину (В. Карпов, Ю. Емельянов; Рыбасы).

Другой круг исследователей, начало которому положил Ю. Мухин, основным виновником в смерти Сталина «назначили» Н. С. Хрущева, у которого было много причин для ненависти к вождю. По их мнению, он возглавил заговор и фактически сам в нем то косвенно (Е. Прудникова, И. Чигирин и др.), то прямо (Ю. Мухин) участвовал в убийстве Сталина («хрущефобы» – С. Кремнев, Ю. Мухин, Е. Прудникова и др.).

Есть категория исследователей, которые занимают своеобразную позицию над схватками «берияфобов» и «хрущефобов» – обвиняя в убийстве Сталина коллективного убийцу в лице номенклатурно-партийной элиты, которой И. В. Сталин здорово насолил, раздражил и вызвал ответный огонь на себя на XIX съезде, вернее на последовавшем за ним Октябрьском (1952 г.) пленуме партии. Наиболее известным представителем этой группы является А. Бушков, который внес яркий мазок в заунывную, набившую всем оскомину картину «убийства» вождя как

Берией, так и Хрущевым и К°. Все «хрущевфобы» являются «берияфилами», ярыми или умеренными сталинистами.

Не обошлось и без внешнего вмешательства иностранных разведок и масонских кругов (тот же А. Бушков, Э. Радзинский, В. Суворов), поскольку И. В. Сталин не оставлял, якобы, мыслей о советизации всего мира, как минимум, Европы и США вместе с ее Аляской.

Труды исследователей из обеих «кругов» выпекались как пирожки, главным содержанием которых со временем стало взаимная критика оппонентов из противоположного «круга», да так ярко они друг друга уличали, топили, припирали к стенке, что порой казалось, что о первопричине своих полемических трудов они вскоре забудут начисто. Ярким примером могут служить книги Н. Нада (в миру Н. Добрюха) и С. Кремнева (в миру С. Брескун) «Как убивали Сталина» и «Зачем убили Сталина», соответственно, после прочтения которых в голове образуется такой сумбур, хоть святых выноси.

Но надо отдать должное Н. Добрюхе за то, что он, почитай, первым обратился не к трудам исследователей-предшественников, а к архивным источникам, раскопав там кое-что весьма интересное для доказательства своей версии о причастии Л. П. Берии к убийству (отравлению) Сталина. Другим исследователем, который пошел по этому же пути, следует назвать И. Чигирину, который, досконально изучив те же архивные источники, пришел к прямо противоположному результату, что Л. П. Берия тут ни при чем, а все это затеял все-таки Хрущев. Но не лично он убивал Сталина, т. е. выливал содержимое ампулы с ядом в фужер с вином Сталина (Ю. Мухин), а путем организации заговора, причем экспромтом, с привлечением главного исполнителя министра госбезопасности С. Игнатьева и практически всей охраны, дежурившей в те дни на Ближней даче.

Так, что этих исследователей (без всяких кавычек), авторов довольно серьезных книг: «Как убивали Сталина» – Н. Над и «Белые и грязные пятна истории» – И. Чигирину, с полным правом можно поставить во главе вышеуказанных «кругов», которые они тем самым и разорвали. Как мы понимаем, схватка «берияфобов» с «берияфилами» этим самым только обострится и мы будем, наверняка, свидетелями многочисленных трудов представителей обеих «кругов», которые яростно накинутся на лидеров противоположных кланов. Это не удивительно.

Удивительно другое. Почему даже не обсуждается «версия» естественной смерти Сталина, поскольку она становится тем более очевидной, чем острее критикуют друг друга «берияфобы» и «берияфилы»? Дело в том, что версии тех и других настолько неправдоподобны, что, будучи рассмотренными вместе, то есть в сравнении, они просто кричат, что этого не могло быть, «потому что не могло быть никогда». Когда вас убеждают в существовании какого-то события, явления, персоны и т. п., которые не поддаются никакой логике, или просто не лезут ни в какие ворота – то это первый признак того, что этого явления не могло быть по определению.

Ниже дается краткий обзор наиболее известных версий как из круга «берияфобов» (Н. Зенькович, Э. Радзинский, В. Карпов, Ю. Емельянов), так и из круга «берияфилов» (Ю. Мухин, Е. Прудникова, С. Кремлев, А. Бушков).

Глава 2. «Классическая» версия Н. Зеньковича¹

«Смерть Сталина вызвала немало кривотолков и пересудов. До сих пор ходят упорные слухи о ее насильственном характере, о том, что Сталин якобы был отравлен Берией. Эти слухи усилились, когда в 1990 году впервые было предано гласности обвинительное заключение по его делу. В нем, в частности, говорилось, что, изыскивая способы применения различных ядов для совершения тайных убийств, Берия издал распоряжение об организации секретной лаборатории, в которой действие ядов изучалось на осужденных к высшей мере наказания. Еще одно, и весьма существенное, доказательство существования в системе НКВД-МГБ лаборатории, в которой проводились испытания отравляющих веществ. Традиция, начатая Ягодой, нашла достойного продолжателя.

На сегодняшний день историки новейшего времени располагают свидетельствами только двух человек, находившихся рядом со Сталиным в его последние дни. Речь идет о Н. С. Хрущеве и дочери Сталина Светлане Аллилуевой. К сожалению, воспоминаний других лиц, присутствовавших при кончине генералиссимуса, нет. Это в значительной степени затрудняет задачу, ибо только сравнительный анализ свидетельств очевидцев да еще, пожалуй, экспертиза истории болезни позволят установить истину, в которой нуждаются миллионы наших соотечественников, живших на нормированном пайке и без того скудных знаний о своем недавнем прошлом».

Здесь следует уточнить утверждение Н. Зеньковича о том, что только два человека оставили свидетельства о событиях, предшествующих смерти И. В. Сталина. Дочь Сталина действительно оставила письменные свидетельства, но она могла свидетельствовать, по существу, только о затянувшейся агонии своего родителя, не более. Из ее воспоминаний нельзя извлечь какой-либо конструктивной информации, способствующей раскрытию «загадочной» смерти Сталина. Большинство ее рассуждений о своем родителе, выходящих за рамки трех трагических дней, что она провела у его смертного одра, основаны на рассказах и воспоминаниях других людей из окружения Сталина, которые, не в пример его дочери, лучше знали характер его общения с окружающими людьми.

Станным кажется также утверждение автора о том, что: «... воспоминаний других лиц, присутствующих при кончине генералиссимуса, нет». А «легенда Лозгачева»? Это ли не системно «оформленные» воспоминания лиц охраны, «присутствовавших при кончине генералиссимуса»? Тем более, что и сам автор широко использует фрагменты этих «воспоминаний» при анализе причин кончины И. В. Сталина.

«Хрущев приводит немало свидетельств недоверчивости и подозрительности Сталина, которые в последние годы его жизни приняли совсем уж гротескные формы. Перед смертью у него появился прямо-таки маниакальный страх. За обедом он буквально ни до одного блюда не дотрагивался, если при нем кто-либо из присутствующих его не попробует. Он был доведен до крайности – людям, которые его обслуживали годами и были ему, безусловно, преданы лично, не доверял. Никому не доверял.

То же касалось и маршрута следования из Кремля на ближнюю дачу в Кунцево. Сколько того пути, и вдруг машины начинали петлять по улицам и переулкам Москвы. Седок имел план города и, когда выезжали, давал указание: туда повернуть, так-то ехать, туда-то выехать. Он даже охране не говорил, каким маршрутом поедут, каждый раз этот маршрут менялся.

Все более усложнялась система охраны ближней дачи. Появились хитроумные запоры, чуть ли не сборно-разборные баррикады. Построили два забора, между которыми бегали

¹ Здесь и далее цитируется по: Н. Зенькович. Собр. Соч. Т. 5. Вожди и сподвижники. (Служка. Оговоры. Травля.) М.: «ОЛМА-Пресс», 2004. С. 540–571.

собаки, провели электрическую сигнализацию. Все старался оградить себя от покушения врагов. Может, дом-крепость Троцкого в Мексике вспоминал? Надо полагать, Берия рассказал ему все подробности операции по устранению его злейшего врага.

Словом, старческий упадок сил давал о себе знать. В 1951 году, пригласив Хрущева на отдых в Сочи, Сталин сказал ему: «Пропавший я человек. Никому я не верю. Я сам себе не верю».

К этому страшному в своей безысходности признанию мы еще вернемся, а сейчас продолжим пересказ воспоминаний Хрущева о последних днях генералиссимуса, ибо его мемуары – единственный пока источник сведений о том, как протекал день накануне удара в Кунцево.

Итак, суббота, 28 февраля 1953 года. Звонят от Сталина и приглашают в Кремль персонально Хрущева, Маленкова, Берия, Булганина. Сообщают, что приедет Сталин. Четверка прибывает в назначенное время. Посмотрели кино. Потом хозяин предложил поехать на близкую дачу поужинать.

Поужинали. Ужин затянулся. Сталин это называл обедом. Он кончился где-то в пять или шесть часов утра. Ничего необычного, к этому привыкли, обеды всегда кончались в такое время. Сталин был навеселе после обеда, но в очень хорошем расположении духа, и ничего не свидетельствовало, что может быть какая-то неожиданность.

Гости распрощались. Сталин, как обычно, вышел их проводить. Он много шутил и был в хорошем настроении. Ткнул пальцем в живот Хрущева, назвал его Микитой. Он так его всегда называл, когда был в хорошем расположении духа.

Разъехались по домам. Было уже воскресенье, выходной, и Хрущев ожидал, что Сталин вновь позовет гостей. Ждал звонка, не садился обедать. Потом все же перекусил наскоро. Неужели Сталин решил подарить им выходной? Быть такого не может. Звонка все нет и нет. Уже и смеркаться стало. Что-то из ряда вон выходящее. Хрущев, недоумевая, разделся и лег в постель.

И вдруг звонок. Хрущев бросился к телефону. Это был Маленков. Он сообщил, что звонили от Сталина охранники. Надо срочно ехать на близкую – что-то произошло со Сталиным, Маленков уже позвонил Берии и Булганину. Условились, что приедут не прямо к Сталину, а сначала зайдут в дежурку.

Что ж, в дежурке встреча – так в дежурке. Хотя, согласитесь, странно: четыре члена Президиума ЦК, ближайшие сподвижники вождя, не идут сразу в дом выяснить, что же произошло, а направляются к дежурным. Хотя им виднее, как поступать в таких случаях: порядки на даче они, видно, хорошо знали.

Приехавшие расспрашивают дежурных чекистов: в чем дело, что, собственно, произошло? Почему вы думаете, что с товарищем Сталиным неладно?

Они отвечают: обычно товарищ Сталин в это время, часов в 11 вечера, обязательно звонит и просит чай. Иногда и ест. А сегодня нет звонка.

Тогда послали Матрену Петровну Бутузову на разведку. Эта женщина много лет проработала у Сталина подавальщицей. Честный и преданный ему человек.

Приехавшим членам Президиума ЦК чекисты сказали, что они уже посылали Матрену Петровну посмотреть. Она вернулась и сказала, что товарищ Сталин лежит на полу, спит, и видно, под ним подмочено, он, видно, мочился. Чекисты подняли Сталина и положили на кушетку в малой столовой. Там были две столовые: малая и большая. Сталин лежал в большой, следовательно, он поднялся с постели, вышел в малую столовую и там упал, там и подмочился.

Хрущев, Маленков, Берия и Булганин решили, что неудобно им появляться и фиксировать свое присутствие, когда он в таком неблагоприятном положении. Четверка уехала домой.

Не успел Никита Сергеевич прилечь, как снова раздался телефонный звонок. На проводе был Маленков. Ему только что звонили из охраны. Они встревожены: все-таки со Сталиным

что-то не так. Хотя Матрена Петровна и сказала, что он спит спокойно, – это необычный сон. Что-то уж больно долго. Надо еще поехать.

Условились, что Маленков позвонит другим членам Бюро Президиума – Ворошилову и Кагановичу, которые отсутствовали на обеде и в первый раз на дачу не приезжали. Условились также, чтобы приехали врачи (о «молодых» членах Бюро Президиума Сабурове и Первухине почему-то забыли. – А.К.).

Снова, второй раз за ночь, приехали в дежурку. Прибыли врачи. Одного из них Хрущев знал, это был Лукомский. Других не запомнил.

Наконец-то зашли в комнату. Сталин лежал на кушетке, спал. Врачам было отдано указание приступить к обслуживанию. Профессор Лукомский подошел к лежащему со страхом. Прикасаясь к руке Сталина, подергивался, как от горячего железа. Берия грубовато подбодрил его: мол, вы врач, берите, как следует.

Профессор Лукомский сказал, что правая рука не действует. Парализована и левая нога. Он даже говорить не может. Состояние тяжелое. Сразу разрезали костюм, переодели и перенесли его в большую столовую. Положили на кушетку там, где он спал, где больше воздуха. Тогда же решили установить дежурство врачей».

Странно, но Н. Зенькович как бы не замечает ошибки Н. Хрущева, что у Сталина парализована левая нога, возможно, он и сам так считает, несмотря на официальное правительственное сообщение, что у больного не действовали правые конечности?

Обратим еще раз внимание на то, что медики «сразу разрезали костюм, переодели и перенесли его в большую столовую». Здесь «ключевое» слово – КОСТЮМ.

«Члены Бюро Президиума тоже установили свое постоянное дежурство. Распределились так: Берия с Маленковым, Каганович с Ворошиловым, Хрущев с Булганиным. Маленков с Берией взяли себе дневное время, Хрущеву с Булганиным досталось ночное (это, надо полагать, на первые сутки. – А.К.).

Теперь уж всем стало ясно, что Сталин в тяжелом положении. Врачи сказали: при таком заболевании никому еще не доводилось вернуться к труду. Жить Сталин еще может, но будет ли он трудоспособен, маловероятно. Чаще всего такие заболевания непродолжительны и кончаются катастрофой.

Присутствовавшие делали все, чтобы поднять больного на ноги. Сталин лежал без сознания. Его стали кормить с ложечки. Давали бульон и сладкий чай. Врачи откачивали мочу, он был без движения.

Хрущев заметил такую деталь: когда откачивали мочу, Сталин старался прикрыться, видно, ощущал неловкость. Это вселяло надежду: значит, что-то сознает.

Однажды днем, к сожалению, Хрущев не запомнил, на какой день заболевания это было, Сталин как бы пришел в сознание. Однако говорить он не мог. Поднял левую руку и начал показывать не то на потолок, не то на стену. У него на губах появилось что-то вроде улыбки. Потом стал сжимать левой рукой правую. Правая не действовала.

Хрущев пишет, что он догадался, почему больной показывал рукой. На стене висела картина. Это была вырезанная из «Огонька» репродукция с картины какого-то художника. Девочка, ребенок, кормит из рожка ягненка. В это время Сталина поили с ложечки, и он, видимо, показывал пальцем и пытался улыбаться: мол, посмотрите, я в таком же состоянии, как этот ягненок, которого девочка поит с рожка, а вы меня с ложечки.

Как только Сталин заболел, Берия ходил и ругал его, издевался над ним. Стоило же появиться на лице больного признакам сознания, как Берия бросился к кушетке, встал на колени, схватил его руку и начал ее целовать. Когда Сталин опять потерял сознание и закрыл глаза, Берия поднялся и плюнул.

«Наступило наше вечернее дежурство с Булганиным. Мы и днем оставались. Кончилось наше дежурство, и я поехал домой», – пишет Хрущев. Хотелось спать, потому что не спал на дежурстве. Принял снотворное и лег. Не успел уснуть, как раздался телефонный звонок».

Мемуарист, к сожалению, не указывает дату, когда это происходило. Но, судя по подробнейшему описанию всех сколько-нибудь значимых событий, речь идет об одних сутках. Хрущев не говорит, что он не спал на дежурствах, он употребляет это существительное в единственном числе. Да и фразу начинает однозначно: «Наступило наше вечернее дежурство с Булганиным. Мы и днем оставались». Речь, скорее всего, идет о 2 марта».

Странная логика у автора. Н. Хрущев, как и остальные соратники И. Сталина прибыл к умирающему Сталину утром 2 марта. Распределили парные дежурства у смертного одра вождя, Хрущеву с Булганиным досталось ночное дежурство. После которого он остался на даче и днем, то есть уже 3 марта, когда на дневное дежурство заступили Ворошилов и Каганович. Вновь заступает (вместе с Булганиным) на ночное, то есть, с 3-го на 4 марта. Отдежурили и наконец-то едут домой отдыхать, поскольку на дежурстве спать не полагалось. «Принял снотворное и лег. Не успел уснуть, как, раздался звонок». И тут автор начал вычислять, когда его поднял с постели этот звонок и к нашему удивлению утверждает, что это было... 2 марта? Запомним и мы.

«Запомним эту немаловажную деталь, она нам еще пригодится, и последуем за мемуаристом дальше. Итак, Хрущева, пришедшего с первого вечернего дежурства, подняли с постели. Звонил Маленков. У Сталина ухудшение. Надо срочно приезжать.

Хрущев вызвал машину и поехал в Кунцево. Действительно, Сталин уже был в очень плохом состоянии. Тут приехали остальные члены Бюро и все увидели, что Сталин умирает. Медики сказали: это агония. Вскоре он перестал дышать. Начали делать искусственное дыхание, но это не помогло (т. е. Сталин умер 3 марта? – А.К.).

Обратимся теперь ко второму, наконец-то опубликованному у нас свидетельству – Светланы Аллилуевой.

Второго марта ее разыскали на уроке французского языка в Академии общественных наук и передали, что Маленков просит приехать на ближнюю дачу. Это уже было невероятно – чтобы кто-то иной, а не отец, приглашал ее приехать к нему на дачу. Она ехала туда с чувством смутения.

Когда она въехала в ворота и на дорожке возле дома машину остановили Хрущев и Булганин, Аллилуева решила, что все кончено... Она вышла, они взяли ее под руки. Лица обоих были заплаканы. «Иди в дом, – сказали они, – там Берия и Маленков тебе все расскажут».

В доме, уже в передней, все было не как обычно; вместо привычной тишины, глубокой тишины, кто-то бегал и суется. Когда дочери сказали, что у отца был ночью удар и что он без сознания, – она почувствовала даже облегчение, потому что ей показалось, что его уже нет.

Аллилуевой рассказали, что, по-видимому, удар случился ночью, его нашли часа в три ночи лежащим вот в этой комнате, вот здесь, на ковре, возле дивана, и решили перенести в другую комнату на диван, где он обычно спал. Там он сейчас, там врачи, – она может идти туда.

Она слушала, как в тумане, окаменев. Все подробности уже не имели значения. Она чувствовала только одно – что он умрет. В этом она не сомневалась ни минуты, хотя еще не говорила с врачами, – просто она видела, что все вокруг, весь этот дом, все умирает у нее на глазах. И все три дня, проведенные там, она только это одно и видела, и ей было ясно, что иного исхода быть не может.

Стоп, прервемся на минутку. Отметим про себя немаловажное обстоятельство: Светлана Аллилуева авторитетно свидетельствует, что она пробыла в доме умирающего отца три дня. Значит, до 5 марта! (Ну и что? – А.К.).

Идем дальше. В большом зале, где лежал отец, толпилась масса народу. Незнакомые врачи, впервые увидевшие больного (академик В. Н. Виноградов, много лет наблюдавший отца,

сидел в тюрьме), ужасно суетились вокруг. Ставили пиявки на затылок и шею, снимали кардиограммы, делали рентген легких, медсестра беспрестанно делала какие-то уколы, один из врачей записывал в журнал ход болезни. Все делалось, как надо. Все суетились, спасая жизнь, которую нельзя было уже спасти.

Где-то заседала специальная сессия Академии медицинских наук, решая, что бы еще предпринять. В соседнем небольшом зале беспрерывно совещался какой-то еще медицинский совет, тоже решавший, как быть. Привезли установку для искусственного дыхания из НИИ, и с ней молодых специалистов, – кроме них, должно быть, никто бы не сумел ею воспользоваться. Громоздкий агрегат так и простоял без дела, а молодые врачи ошалело озирались вокруг, совершенно подавленные происходящим. Светлана Иосифовна вдруг сообразила, что вот эту молодую женщину-врача она знает, – где она ее видела? Они кивнули друг другу, но не разговаривали. Все старались молчать, как в храме, никто не говорил о посторонних вещах. Здесь, в зале, совершалось что-то значительное, почти великое, – это чувствовали все – и вели себя подобающим образом.

Только один человек вел себя почти неприлично – Берия. Он был возбужден до крайности, лицо его, и без того отвратительное, то и дело искажалось от распиравших его страстей. А страсти эти – честолюбие, жестокость, хитрость, жажда власти... Он так старался в этот ответственный момент как бы не перехитрить, и как бы не недохитрить! И это было написано на его лбу. Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного, – отец иногда открывал глаза, но, по-видимому, это было без сознания или в затуманенном сознании. Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза; он желал и тут быть «самым верным, самым преданным» – каковым он изо всех сил старался казаться отцу и в чем, к сожалению, слишком долго преуспевал...

В последние минуты, когда все уже кончалось, Берия вдруг заметил Аллилуеву и распорядился: «Уведите Светлану!» На него посмотрели те, кто стоял вокруг, но никто не подумал пошевелиться. А когда все было кончено, он первым выскочил в коридор, и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывавший торжества: «Хрусталева! Машину!»

«Это был великолепный современный тип лукавого царедворца, – пишет С. Аллилуева, – воплощение восточного коварства, лести, лицемерия, опутавшего даже отца – которого вообще-то трудно было обмануть. Многое из того, что творила эта гидра, пало теперь пятном на имя отца, во многом они повинны вместе, а то, что во многом Лаврентий сумел хитро провести отца, посмеиваясь при этом в кулак, – это для пишущей несомненно. И это понимали все «наверху»...

Сейчас все его гадкое нутро перло из него наружу, ему трудно было сдерживаться. Не одна Аллилуева, – многие понимали, что это так. Но его дико боялись и знали, что в тот момент, когда умирает Сталин, ни у кого в России не было в руках большей власти и силы, чем у этого ужасного человека.

Здесь хочется сделать маленькое отступление и воскликнуть: история повторяется! Двадцать девять лет назад такое же можно было сказать о самом Сталине. Он чувствовал себя и был на самом деле полновластным хозяином на похоронах Ленина. Главный соперник – Троцкий уехал на лечение в Сухуми и оттуда прислал телеграмму: когда похороны? В ответ получил разъяснение: надо продолжать лечение, на похороны он все равно не успеет. Похороны Ленина провели на день раньше срока, указанного Сталиным в телеграмме. Неучастие Троцкого в траурных мероприятиях означало потерю им власти и возвышение Сталина. Берия ни на шаг не отходил от смертного одра своего патрона, он умел извлекать уроки из чужих ошибок!

Он был замечательным учеником Сталина. 25 января 1924 года Сталин провел через Президиум ВЦИК решение о сохранении тела Ленина. Генеральный комиссар государственной безопасности по роду своей службы из зарубежных источников знал, что шепетильный

вопрос о будущем захоронении Ленина некоторыми членами Политбюро обсуждался задолго до кончины вождя, осенью 1923 года. О том, что в случае кончины Ленина его следует захоронить на особый манер, первым сказал Калинин. Сталин тут же ухватился за эту мысль и стал ее яростно поддерживать. Троцкий, Бухарин, Каменев выступали против сохранения тела вождя после его смерти. Сталин, Калинин и другие – за.

Сталин победил, несмотря на сопротивление Крупской. Западная религиозная литература всколыхнулась: это было невиданное и неслыханное решение. Если бы к тому времени духовенство страны не было бы организационно разгромлено, если бы престиж прежних конфессий не упал, то такой шаг Сталина не нашел бы ни поддержки, ни оправдания. Кто-то, а Берия понимал: закладка мавзолея была одновременно и первым шагом в сторону культа Сталина. А чтобы культ был воспринят как естественное продолжение обожествления Ленина. Сталин соединил себя с Лениным как с учителем, показав себя продолжателем его дела.

Забегая немного вперед, отметим, что Берия тоже пошел по стопам своего учителя. Первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Лаврентий Павлович Берия, как и в свое время, Сталин, провел через ЦК и Совмин постановление о сооружении Пантеона – памятника вечной славы великих людей Советской страны. Пантеон воздвигался в целях увековечения памяти великих вождей: Владимира Ильича Ленина и Иосифа Виссарионовича Сталина, а также выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства, захороненных на Красной площади у Кремлевской стены. По окончании сооружения Пантеона предполагалось перенести в него саркофаг с телом В. И. Ленина и саркофаг с телом И. В. Сталина и открыть доступ в Пантеон для широких масс трудящихся».

Далее следует отступление, связанное с историей проектирования Пантеона, процедурами рассмотрения и утверждения проекта, который так и не был реализован. А. Твардовский как-то упомянул в своем рабочем блокноте о том, что Пантеон «как будто канул в забвение среди насущных дел».

Затем автор возвращается к воспоминаниям С. Аллилуевой о последних часах жизни своего отца.

«Инсульт был сильный, речь потеряна, правая половина тела парализована – те же признаки, о которых писал Хрущев. Совпадает и то, что он несколько раз открывал глаза – взгляд был затуманен, кто знает, узнавал ли он кого-нибудь. Тогда все кидались к нему, старались уловить слова или хотя бы желание в глазах. Дочь сидела возле отца, держала его за руку, он смотрел на нее, – вряд ли он видел. Светлана поцеловала его и поцеловала руку, – больше ей уже ничего не оставалось.

В воспоминаниях Аллилуевой много эмоций. Это и понятно. Она укоряет себя за то, что никогда не была хорошей дочерью, что ничем не помогала этой одинокой душе, этому старому, больному, всеми отринутому и одинокому на своем Олимпе человеку, который пятерых из восьми своих внуков так и не удосужился ни разу увидеть. И они не видали его никогда. Жуткая, нечеловеческая трагедия семьи.

Сталин умирал страшно и трудно. Кровоизлияние в мозг распространяется постепенно на все центры, и при здоровом и сильном сердце оно медленно захватывает центры дыхания, человек умирает от удушья. Дыхание все учащалось и учащалось. Последние двенадцать часов уже было ясно, что кислородное голодание увеличивалось. Лицо потемнело и изменилось, постепенно его черты становились неузнаваемыми, губы почернели. Последние час или два человек просто медленно задыхался. Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах. В какой-то момент, очевидно, в последнюю уже минуту, он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный и полный ужаса перед смертью и перед незнакомыми лицами врачей, склонившихся над ним. Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут, – это было непонятно и страшно, он поднял вдруг кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то вверх, не то погрозил

всем собравшимся в комнате. Жест был непонятен, но угрожающ, и неизвестно, к кому и к чему он относился... В следующий момент душа, сделав последнее усилие, вырвалась из тела.

Светлана впилась руками в стоявшую возле нее молодую знакомую докторшу, – та застонала от боли.

Потом члены правительства устремились к выходу – надо было ехать в Москву, в ЦК, где все сидели и ждали вестей...

Пришла проститься прислуга, охрана... Пришла Валентина Васильевна Истомина – Валечка, как ее все звали, – экономка, работавшая у Сталина на этой даче восемнадцать лет. Она грохнулась на колени возле дивана, упала головой на грудь покойнику и заплакала во весь голос, как в деревне. Долго она не могла остановиться, и никто не мешал ей.

Поздно ночью, – или, вернее, под утро уже, – приехали, чтобы увезти тело на вскрытие. Подъехал белый автомобиль к самым дверям дачи – все вышли. Сняли шапки и те, кто стоял на улице, у крыльца. В шесть часов утра по радио Левитан объявил весть, которую они уже знали.

На второй день после смерти Сталина – еще не было похорон, по распоряжению Берии созвали всю прислугу и охрану, весь штат обслуживавших дачу, и объявили им, что вещи должны быть немедленно вывезены отсюда (неизвестно куда), а все должны покинуть это помещение.

Спорить с Берией никто не стал. Совершенно растерянные, ничего не понимавшие люди собрали вещи, книги, посуду, мебель, погрузили со слезами на грузовики. Все куда-то увозилось, на какие-то склады... Подобных складов у МГБ-КГБ было немало в то время. Людей, прослуживших здесь по десять-пятнадцать лет не за страх, а за совесть, вышвыривали на улицу. Их разогнали кого куда; многих офицеров из охраны послали в другие города. Двое застрелились в те же дни. Люди не понимали, в чем их вина? Почему на них так ополчились. Но в пределах сферы МГБ, сотрудниками которого они все состояли по должности (таков был, увы, порядок, одобренный самим Сталиным!), они должны были беспрекословно выполнять любое распоряжение начальства.

Второго марта на ближнюю дачу вызвали и сына Сталина – Василия. Он тоже сидел несколько часов в большом зале, полном народа, но он был, как обычно в последнее время, пьян, и скоро ушел. В служебном доме он еще пил, шумел, разносил врачей, кричал, что «отца убили», «убивают», – пока не уехал, наконец, к себе.

Смерть отца потрясла его. Он был в ужасе – он был уверен, что отца «отравили», «убили», он видел, что рушится мир, без которого ему существовать будет невозможно (интересно было бы узнать, с чего это он взял, что отца «отравили» или «убили»? – А.К.).

В дни похорон он был в ужасном состоянии и вел себя соответственно – на всех бросался с упреками, обвинял правительство, врачей, всех, кого возможно, – что не так лечили, не так хоронили. Аллилуева на многих страницах воспроизводит трагедию брата, уволенного со всех постов, ведшего беспутный образ жизни, отсидевшего срок в тюрьме и скончавшегося в Казани в 1962 году в своей однокомнатной квартире. Он прожил всего 41 год.

Книга С. Аллилуевой «Двадцать писем к другу», откуда взят этот пересказ эпизода о смерти Сталина, написана в 1963 году. Советский читатель получил возможность ознакомиться с ней только через четверть века. В 1968–1988 годах автор работала над новым произведением, названным ею «Книга для внуков». Ждать появления его в советской печати пришлось совсем ничего – в 1991 году журнал «Октябрь» опубликовал эту работу. Светлана Иосифовна опять возвращается к теме внезапного заболевания своего отца, а также смерти брата Василия, и считает необходимым дополнить свои старые книги нижеследующими фактами.

Последний разговор с отцом у нее произошел в январе или феврале 1953 года. Он внезапно позвонил и спросил, как обычно, безо всяких обиняков: «Это ты передала мне письмо от Надирашвили?» Дочь ответила отрицательно, поскольку существовало железное правило: писем отцу не носить, не быть «почтовым ящиком».

Через несколько дней после смерти Сталина в квартире в доме на набережной, где жила Светлана Иосифовна, раздался звонок. В дверях стоял незнакомый человек, который назвался Надирашвили. Он спросил, где живут Жуков и Ворошилов, у него собран материал на Берия. Аллилуева ответила: Жуков – на улице Грановского, а Ворошилов – в Кремле, туда без пропуска не войдешь. Через день после этого разговора, а может, даже в тот самый день ей позвонил Берия. Начал издали, а потом без всякого перехода вдруг спросил: «Этот человек – Надирашвили, который был у тебя, – где он остановился?»

Светлана Иосифовна поразила осведомленности Берии. А потом ее вызвали к Шкирятову и потребовали объяснений – откуда она знает клеветника Надирашвили, почему он к ней приходил и как она ему содействовала. Более того, ей даже объявили строгий выговор «за содействие известному клеветнику Надирашвили». Правда, потом, после ареста Берии, выговор сняли.

«Таинственный Надирашвили, как я полагаю, – пишет Аллилуева, – все же сумел как-то передать Сталину что-то насчет деятельности Берии. Последовали немедленные аресты всех ближайших к Сталину лиц: генерала охраны Н. С. Власика, личного секретаря А. Н. Поскребышева. Это был январь – февраль 1953 года».

Здесь С. Аллилуева допускает неточность, на которую Н. Зеньковичу следовало бы обратить внимание читателя. На самом деле генерал Н. С. Власик был арестован 15 декабря 1952 года, а А. Н. Поскребышев в январе следующего года.

«Академик В. Н. Виноградов уже находился в тюрьме, а он был личным врачом Сталина, и кроме него никто близко не подпускался. Поэтому, когда во вторую половину дня 1 марта 1953 года прислуга нашла отца лежащим возле столика с телефонами на полу без сознания и потребовала, чтобы вызвали немедленно врача, никто этого не сделал.

Безусловно, такие старые служаки, как Власик и Поскребышев, немедленно распорядились бы без уведомления правительства, и врач прибыл бы тут же. Но вместо этого, в то время как вся взволнованная происходившим прислуга требовала вызвать врача (тут же, из соседнего здания, в котором помещалась охрана), высшие чины охраны решили звонить «по субординации», известить сначала своих начальников и спросить, что делать. Это заняло многие часы, отец лежал тем временем на полу без всякой помощи, и, наконец, приехало все правительство, чтобы воочию убедиться, что действительно произошел удар – как и поставила первоый диагноз подавальщица Мотя Бутузова.

Врача так и не позвали в течение последующих 12–14 часов, когда на даче в Кунцево разыгралась драма: обслуга и охрана, взбунтовавшись, требовали немедленного вызова врача, а правительство уверяло их, что «не надо паниковать». Берия же утверждал, что «ничего не случилось, он спит». И с этим вердиктом правительство уехало, чтобы вновь возвратиться обратно через несколько часов, так как вся охрана дачи и вся обслуга теперь уже не на шутку разъярились. Наконец члены правительства потребовали, чтобы больного перенесли в другую комнату, раздели и положили на постель – все еще без врачей, то есть с медицинской точки зрения делая недопустимое. Больных с ударом (кровоизлиянием в мозг) нельзя передвигать и переносить. Это дополнение к тому факту, что врача, находившегося поблизости, не вызвали для определения диагноза».

Следует заметить, что в мемуарах С. Аллилуевой дважды упоминается о некоем враче, находящемся поблизости, но почему-то «не приглашенном» к смертельно больному Сталину. Видимо в системе охраны и обеспечения безопасности вождя имела служба дежурных медицинских работников, которые наверняка имели соответствующие инструкции по оказанию экстренной медицинской помощи и без всякого «приглашения».

«Наконец, на следующее утро начался весь цирк с Академией медицинских наук – как будто для определения диагноза нужна академия! Не ранее чем в 10 часов утра прибыли, наконец, врачи, но они так и не смогли найти историю болезни с последними данными, с записями

и определениями, сделанными ранее академиком Виноградовым... Где-то в секретных недрах Кремлевки была похоронена эта история болезни, столь нужная сейчас. Вот так и не нашли.

Когда пятого марта во второй половине дня отец скончался, и тело затем было увезено на вскрытие, началась, по приказанию Берии, эвакуация дачи в Кунцево. Вся прислуга и охрана, требовавшие немедленного вызова врача, были уволены. Всем было велено молчать. Дачу закрыли и двери опечатали. Никакой дачи никогда «не было». Официальное коммюнике правительства сообщило народу ложь – что Сталин умер «в своей квартире в Кремле». Сделано это было для того, чтобы никто из прислуги на даче не смог бы жаловаться; никакой дачи в данных обстоятельствах «не существовало»...

Они молчали. Но через тринадцать лет – в 1966 году – одна из проработавших на даче в Кунцево в течение почти двадцати лет пришла ко мне и рассказала всю вышеприведенную историю. Я не писала об этом в «Двадцати письмах к другу»: книга была уже написана до того, как я услышала историю с вызовом врачей. Я не хотела в ней ничего менять – ее уже многие читали в литературных кругах Москвы. Я не хотела, чтобы в 1967 году, когда я не вернулась в СССР, кто-либо на Западе смог бы подумать, что я «бежала» просто из чувства личной обиды или мести. Это легко можно было бы предположить, если бы я также написала тогда о смерти своего брата Василия то, что я знала».

Что же знала Аллилуева о брате уже тогда? «Ему тоже «помогли умереть» в его казанской ссылке, приставив к нему информантку из КГБ под видом медицинской сестры... Она делала ему уколы снотворного и успокоительных после того, как он продолжал пить, а это разрушительно для организма. Наблюдения врачей не было никакого – она и была «медицинским персоналом». Последние фотографии Василия говорят о полнейшем истощении; он даже в тюрьме выглядел куда лучше! И 19 марта 1962 года он умер при загадочных обстоятельствах. Не было медицинского заключения, вскрытия Мы так и не знаем в семье, от чего он умер. Какие-то слухи, неправдоподобные истории...

...Василий, конечно, знал куда больше, чем я, об обстоятельствах смерти отца, так как с ним говорили все обслуживающие кунцевской дачи в те же дни марта 1953 года. Он пытался встретиться в ресторанах с иностранными корреспондентами и говорить с ними. За ним следили и, в конце концов, арестовали его. Правительство не желало иметь его на свободе. Позже КГБ просто «помогло» ему умереть».

С. Аллилуева безусловно права, говоря, что брат ее Василий Иосифович Сталин знал об обстоятельствах смерти отца гораздо больше, чем она со слов близких к Сталину лиц. В ее воспоминаниях просто «выпирает» влияние на нее Н. С. Хрущева, который, в знак благодарности за ее «патологическую ненависть» к Берии, не только даровал ей жизнь в отличие от ее брата, но и всячески поддерживал ее во времена своего правления. Другое дело Василий, к которому у Светланы абсолютно отсутствуют сколько-нибудь понятные читателю братские чувства. Все дело в том, что Василий просто не мог не знать об обстоятельствах, предшествующих смерти отца. Он не зря обличал соратников Сталина в организации заговора против отца. Охрана, которая относилась к сыну Сталина весьма уважительно, наверняка рассказала ему кое-что из того, что не должно было стать достоянием даже для самых близких Сталину лиц, тем более не подлежало огласке.

С трудом верится, что все эти трагические дни Василий Сталин провел в пьяном угаре, истерически обвиняя соратников отца и лечащих врачей в сговоре с целью «отравления» («убийства») отца, все это придумано Хрущевым и «озвучено» Светланой.

Хрущева очень беспокоило то, что Василий наверняка знает некоторые подробности, предшествовавшие смерти Сталина, поэтому он продумал и осуществил следующие превентивные меры для нераспространения этих сведений дальше. Во-первых, он привлек на свою сторону С. Аллилуеву, которая, по существу, представила своего брата как спившегося, больного алкоголизмом человека, к концу жизни, якобы, вообще потерявшего человеческий облик.

Во-вторых, он организовал судебное преследование за некие «уголовные преступления» сына Сталина, получившего 8 лет лишения свободы, ровно столько, сколько в свое время получил его старший сын Леонид за убийство по пьянке офицера. Таким образом, Хрущев сделал все, чтобы любые выступления и рассказы Василия о тайне смерти Сталина воспринимались, как бред опустившегося маргинала, но главное «обеспечил» его преждевременный уход из жизни.

Следует поставить под сомнение и заявление С. Аллилуевой о том, что в 1966 году она, якобы, получила информацию о подробностях смерти Сталина от некоей бывшей работницы на ближней даче в Кунцево, всячески оговаривая, почему полученные от нее сведения были опубликованы лишь в 1988 году в ее новой «Книге для внушек». Все дело в том, что эта «таинственная работница» поведала ей некоторые сведения из... «легенды Лозгачева», которая, как мы знаем, «родилась» лишь в 1977 году, т. е. в «разгар» написания очередной книги Светланы (1968–1988 гг.). Следовательно, раньше, чем в 1977–1978 гг. она не могла получить подобную информацию от работников ближней дачи. Что заставило ее по этому поводу солгать, видимо, останется тайной.

Далее Н. Зенькович продолжает: «Из прямых свидетельств драмы в Кунцево мы располагаем пока только этими. Как видно, в мемуарах С. Аллилуевой, особенно в «Книге для внушек», поведение членов правительства вызывает, мягко говоря, некоторое недоумение. Почему Хрущев, Берия, Маленков и Булганин, разбуженные встревоженной охраной, не распорядились о немедленном вызове врача? Странно и то, что они разъехались по домам, успокоенные словами Берии: – Сталин спит и не надо нарушать его сон. Непонятно и то, почему охрана, обнаружив Сталина лежавшим на полу в пижамных брюках и нижней рубашке, сразу не обратилась за помощью к медикам. Ведь уходило драгоценное время. (Все эти недоуменные вопросы легко снимаются, если допустить, что ничего такого, о чем говорится в «легенде Лозгачева», в реальной жизни не происходило, а Н. С. Хрущев «навспоминал» ровно столько, сколько потребовалось для того чтобы навсегда скрыть некие «загадочные» обстоятельства, предшествующие «удару» Сталина. – А.К.).

«Ответ на последний вопрос прояснился вскоре после смерти Сталина. Вождь стал заложником своей системы. Согласно инструкции, утвержденной Берией, без его разрешения врачей к Сталину допускать было нельзя. Эти меры предосторожности были приняты после того, как арестовали профессора В. Н. Виноградова. С него, собственно, и началось громкое «дело врачей». В 1952 году, во время последнего визита, лечащий врач Сталина В. Н. Виноградов обнаружил у пациента заметное ухудшение здоровья и порекомендовал максимально воздерживаться от активной деятельности. Сталина такой прогноз вывел из себя. Виноградова к нему больше не допустили, а вскоре и отправили в тюрьму.

Масла в огонь подлила Лидия Тимашук. Еще предстоит выяснить, сочинила она свой донос по собственному наитию или получила на сей счет поручение. Например, А. Д. Сахаров считал ее сексоткой. Она работала врачом в лаборатории Кремлевской больницы и была на Валдае, когда там умер Жданов. Тимашук написала: Жданов умер потому, что его неправильно лечили врачи, ему назначали такие процедуры, которые должны были привести к смерти. И все это делалось преднамеренно.

Письмо Тимашук упало на благодатную почву: Сталин внедрил в сознание людей, что они окружены врагами, что в каждом человеке нужно видеть неразоблаченного врага. Дело о «врачах-убийцах» получило неожиданно широкий резонанс. Большая группа врачей Кремлевской больницы оказалась в тюрьме. Из них выбивали показания, что они давно уже потихоньку сокращают жизнь высшему руководящему составу. Подследственные «признались» в насильственной смерти Жданова, Димитрова, Щербакова. Скрыли имеющийся у Жданова инфаркт, позволили ему ходить, работать и быстро довели до ручки.

Вот тогда, охраняя жизнь любимого вождя, Берия и подписал инструкцию, строго воспрещавшую кому бы то ни было допускать к Сталину врачей без его, Лаврентия Павловича, личной санкции. Поэтому ни охрана, ни обслуга не посмели вызывать врача».

Такое допустить мог кто угодно, но только не Н. Зенькович, тонкий знаток всех особенностей «кремлевской кухни». Он что, не знал, что Л. П. Берия с тех пор, как возглавил сверхсекретные работы по созданию ракетно-ядерного щита страны в конце 1945 года, не имел никакого отношения и даже не мог оказывать влияние на охрану Сталина, которая в данный момент находилась в компетенции руководителя МГБ С. Д. Игнатьева?

«Что касается первого вопроса, то здесь дело посложнее, однозначного ответа нет по сей день. Выстраивается, по крайней мере, две версии. Первая: и на членов Бюро Президиума распространялась секретная инструкция, подписанная Берией. Правда, эта версия уязвима: отчего же тогда Берия не воспользовался своим правом и не вызвал врача? Ведь он был в составе первой группы, навестившей лежавшего в бесспамятстве Сталина.

По свидетельству Д. А. Волкогонова, который беседовал с охранником Сталина А. Т. Рыбиным, у последнего сложилось мнение, что Сталину, который лежал после инсульта без медицинской помощи уже шесть – восемь часов, никто и не собирался ее оказывать. Похоже, что все шло по сценарию, который устраивал Берию, убежденно говорил Рыбин. Выгнав охрану и прислугу, запретив ей куда-либо звонить, соратники с шумом уехали. Лишь около девяти часов утра второго марта вновь приехали Берия, Маленков, Хрущев, а затем и другие члены Бюро с врачами.

Интересно, вспоминал ли парализованный Сталин в те короткие мгновения, когда к нему возвращалось сознание, обреченного на долгие одиннадцать месяцев молчания Ленина? И если он был причастен, как утверждает Троцкий, к насильственной смерти Ильича, что чувствовал в те жуткие секунды тиран, понявший, что с ним поступили точно так же, как он сам тридцать лет назад? Увы, никто не знает, какие ужасные картины рисовались в его пораженном кистами мозгу, которые в последние годы жизни вызывали нарушения в психической сфере и, наслаиваясь на деспотический характер, усугубляли его и без того тиранические наклонности.

А может, во время первого визита Берия, которого, кстати, долго не могли нигде разыскать, и только после многих усилий узнали: он в интимной компании в одном из правительственных особняков, находясь под винными парами, не заметил, что Сталин в болезненном состоянии? Может, он искренне считал, что Сталин действительно спит?

В это трудно поверить, учитывая состояние лежавшего на полу человека. Более того, Берия напустился на охранников и обслуживающий персонал: чего, мол, вы паникуете? Марш все отсюда и не нарушайте сна нашего вождя. Берия даже пригрозил разобраться с ними.

Во второй, утренний приезд Берия не скрывал торжествующего выражения лица. Об этом свидетельствуют и Аллилуева, и Хрущев. Д. Волкогонов в своей двухтомной книге о Сталине высказал версию о том, что Берия форсировал большую политическую игру, которую он задумал давно. Берия единственный, кто отлучался на какое-то время из Кунцево и, оставив других членов Бюро у смертного одра диктатора, ездил в Кремль.

Завещание! Лаврентий Павлович стремился учиться на ошибках других. Мысль о завещании, которое мог оставить Сталин, пронзила его мозг. Сталин в свое время упустил свой шанс, прозевал ленинское завещание, хотя практически контролировал каждый шаг Ленина, каждую его встречу, каждую строку, имея своих людей среди его ближайшего окружения. Берия не должен повторить ошибку своего патрона ни за что! А вдруг в сталинском сейфе уже лежит какая-нибудь мерзкая бумажонка о смещении его, Берии?

Опасения Лаврентия Павловича не были беспочвенными. 16 декабря 1952 года был арестован начальник главного управления охраны МГБ Николай Сергеевич Власик. Тот самый Власик, который, начиная с 1919 года, когда его, рядового красноармейца, приставили в Царыцыне к Сталину, обеспечивал охрану диктатора. Ему было предъявлено обвинение в потака-

тельстве врачам-отравителям, знакомство со шпионами, а также злоупотребление служебным положением. Власика допрашивал сам Берия.

В Государственном архиве Октябрьской революции хранится письмо Власика, направленное им в мае 1955 года на имя Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова из Красноярского края, где лишенный звания генерал-лейтенанта бывший охранник Сталина находился в ссылке. В этом письме Власик называет Сталина Главой правительства. Так вот, «Глава правительства, находясь на юге после войны, в моем присутствии выражал большое возмущение против Берии, говоря о том, что органы государственной безопасности не оправдали своей работой должного обеспечения... Сказал, что дал указание отстранить Берию от руководства в МГБ. Спрашивал у меня, как работают Меркулов, Кобулов и впоследствии – о Гоглидзе и Цанаве. Я рассказал ему, что знал... И вот я потом убедился, что этот разговор между мной и Главой правительства стал им доподлинно известен, я был поражен этим...».

Как Берия узнал об этом разговоре – остается только гадать. Впрочем, это могло произойти двумя путями: либо Сталин сам рассказал Берии, либо Берия подслушивал и самого «хозяина».

Далее Власик в своем письме Ворошилову сообщает: после вызова на допрос к Берии «я понял, что, кроме смерти, мне ждать больше нечего, т. к. еще раз убедился, что они обманули Главу правительства... Они потребовали показаний на Поскребышева, еще два раза вызывал Кобулов в присутствии Влодзимирского. Я отказался, заявив, что у меня никаких данных к компрометации Поскребышева нет, только сказал им, что Глава правительства одно время был очень недоволен работой наших органов и руководством Берии, привел те факты, о которых говорил мне Глава правительства, – о провалах в работе, в чем он обвинял Берию... За отказ от показаний на Поскребышева мне сказали: подохнешь в тюрьме...».

И Власик не выдержал, поскольку «получил нервное расстройство, полное потрясение и потерял абсолютно всякое самообладание и здравый смысл... Я не был даже в состоянии прочитать составленные ими мои ответы, а просто, под ругань и угрозы, в надетых острых, вьевшихся до костей наручниках, был вынужден подписывать эту страшную для меня компрометацию... в это время снимались наручники и давались обещания отпустить спать, чего никогда не было, потому что в камере следовали свои испытания...»

Последний абзац – свидетельство того, как Сталин относился даже к своим приближенным. От подозрений не был застрахован никто. По этим и другим свидетельствам Берия чувствовал, что диктатор к нему охладевает.

Впрочем, не один Берия. Последние месяцы власти Сталина были зловещими. Он перестал доверять многим из своей старой гвардии – Ворошилову, Молотову, Микояну. На организационном Пленуме ЦК, состоявшемся по завершении XIX съезда партии в октябре 1952 года, Сталин неожиданно для всех устроил полнейший разгром Молотову и Микояну. Он поставил под сомнение их порядочность, в его речи сквозило политическое недоверие к ним, подозрение в политической нечестности.

Таким образом, многие историки считают, что готовилась новая крупная расправа с негодными по образцу 1937 года. Репрессии должны были затронуть как высшие эшелоны политического руководства, так и их сторонников на местах. По всей стране проходили митинги с осуждением «врачей-убийц» и их пособников, печать пестрила сообщениями об отравителях, безнаказанно действующих в разных городах и селах. Атмосфера накалялась с каждым днем все больше и больше, и Берия понимал, что для успокоения общественности «хозяин» наверняка пожертвует им одним из первых. Любой из соратников вождя может оказаться лишним: Кузнецов, Вознесенский, Власик, Поскребышев. Кто следующий?

Удар, случившийся со Сталиным, неожиданным образом развязал клубок страхов и тяжелых предчувствий. Берия раньше всех сориентировался в принципиально новой ситуации.

Надо было действовать и, прежде всего, узнать, оставил ли Сталин завещание. Если оставил – то что в нем? Сказано ли о тех, кому предстоит продолжать его дело?

Итак, пока другие соратники земного бога пребывали в оцепенении, Лаврентий Павлович, не теряя времени, мчался в Кремль. Что делал там этот страшный человек, который после устранения Власика и Поскребышева лишь один имел прямой доступ в кабинет Сталина? На этот счет, к сожалению, прямых свидетельств нет. Есть только косвенные предположения. Одно из них, представляющее несомненный интерес, принадлежит Д. А. Волкогонову.

Генерал армии А. А. Епишев, который работал одно время заместителем министра государственной безопасности, рассказывал, что у Сталина была толстая тетрадь в черном коленкором переплете, куда он иногда что-то записывал. Едва ли для памяти, ибо она была у него «компьютерной», хотя к концу жизни и начала сдавать. Хрущев, например, вспоминает в этой связи случай, когда Сталин, обратившись к Булганину, никак не мог вспомнить его фамилию. Сталина раздражало угасание сил, он не хотел, чтобы это было замечено другими. Потому и выходил из себя, вымещая зло на других.

Так вот, пишет Волкогонов, возможно, содержание этих записей навсегда останется тайной. Ему неизвестен источник, на который опирался Епишев, но он предполагал, что Сталин какое-то время хранил и некоторые личные письма от Зиновьева, Каменева, Бухарина и даже Троцкого.

Прямой доступ к Сталину имели лишь Берия, Поскребышев и Власик. О существовании этих записей знали только они. Но Поскребышев и Власик, которым больше всего доверял Сталин, незадолго до его смерти были скомпрометированы Берией и устранены из окружения. Словом, накануне смерти вождя из этих троих около него оставался один Берия.

Когда к пораженному инсультом Сталину Берия и Хрущев привезли утром врачей (до этого 12–14 часов он оставался без медицинской помощи), сталинский монстр сразу понял, что это конец. Оставив Хрущева, Маленкова и других возле умирающего Сталина, Берия умчался в Кремль. Кто сегодня скажет, не к сталинскому ли сейфу кинулся в первую очередь этот новый Фуше? Если да, то куда он мог убрать личные вещи вождя и другие его бумаги?

Берия не мог не видеть, что в последние год-полтора отношение Сталина к нему непрерывно ухудшалось. В свою очередь и Сталин не мог не догадываться о намерениях Берии. Может быть, генералиссимус оставил распоряжение или даже завещание? Отношение к вождю тогда было настолько подбострастным, что окружение исполнило бы, видимо, его волю. У Берии были основания опасаться и спешить. А проникнуть в кабинет Сталина мог только он. Ведь Сталина охраняли его люди. Как бы там ни было, пишет Д. Волкогонов, насколько ему удалось установить, сталинский сейф был фактически пуст, если не считать партбилета и пачки малозначащих бумаг. Берия, уничтожив загадочную личную тетрадь Сталина (если она была), расчищал себе путь на самую вершину. Возможно, мы никогда не узнаем этой сталинской «тайны» – содержания записей в черной тетради. Епишев, во всяком случае, был уверен, что Берия «очистил» сейф до его официального вскрытия. Видимо, это ему было очень нужно.

Вернулся Лаврентий Павлович в Кунцево только через несколько часов. Вид у него был еще более уверенный, он резко контрастировал с подавленным состоянием сподвижников. Берия начал диктовать правительственное сообщение о болезни Сталина, которое передавалось по радио и печаталось в газетах: «Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Совет Министров Союза ССР сообщают о постигшем нашу партию и наш народ несчастье – тяжелой болезни товарища Иосифа Виссарионовича Сталина.

В ночь на 2 марта у товарища Сталина, когда он находился в Москве в своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг, захватившее важные для жизни области мозга. Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи. Появились тяжелые нарушения деятельности сердца и дыхания...».

...Позднее выяснилось, что удар у него случился вовсе не в кремлевской квартире, как утверждалось в правительственном сообщении, а за городом, на ближней даче. Из уст в уста, из города в город передавались слова сына Сталина Василия: «Сволочи, загубили отца!» Сомнения в правдивости официальной версии стали крепнуть после ареста Берии и письма ЦК КПСС по его делу. Потрясенные люди узнавали, что в ведомстве Лаврентия Павловича была «лаборатория по проблеме откровенности», занимавшаяся растормаживанием психики химическими средствами. Руководитель лаборатории, врач по специальности, выполнял и другие, весьма деликатные задания. Он устранял тех, которых Берии надо было тайно уничтожить, не прибегая к аресту. Врач наносил своим жертвам смертельный укол тросточкой, на конце которой была ампула с ядом. Таким образом, он убил более 300 человек. (Далее Н. Зенькович ссылается на сочинение А. Авторханова «Загадка смерти Сталина (Заговор Берии)». – А.К.).

Сегодня, – писал А. Авторханов, – мало кто из советских историков будет оспаривать утверждение о том, что когда Сталин решил ликвидировать свою «старую гвардию» – молотовцев, апеллируя к «молодой гвардии» – маленковцам, то Берия одним из первых разгадал его стратегический план – расправиться со старыми членами Политбюро по шаблону двадцатых и тридцатых годов: «старую гвардию» при помощи «молодой гвардии», «молодую гвардию» – при помощи «выдвиженцев». Но Сталин просчитался: его окружали теперь не идейные простофили двадцатых годов, а его же духовные двойники, выпестованные им самим, по его собственному криминальному образу мышления и действия. Безусловно, на высоте криминального искусства самого Сталина стоял среди них только один Берия.

С уму непостижимой оплошностью, считает А. Авторханов, Сталин выдал себя, сформировав обвинение кремлевских «врачей-заговорщиков»: ведь обвинение всей сети верховных органов госбезопасности в попустительстве «заговорщикам» было прямо направлено против Берии. Берия слишком хорошо знал и Сталина, и судьбу своих предшественников – Ягоды и Ежова, чтобы строить иллюзии. Сталину теперь была нужна его голова. У Берии не было никаких других средств спасти ее, кроме того, как лишить самого Сталина его собственной головы.

По мнению А. Авторханова, Берия организовал беспрецедентный по трудности, но блестящий по технике исполнения заговор против Сталина. Притом организатор заговора доказал, что он превзошел Сталина в том, в чем последний считался корифеем: в искусстве организации политических убийств. Не абстрактные спекуляции, не искусственные конструкции, а логика цепи косвенных доказательств, называемых в юриспруденции уликами, привели зарубежного автора к выводу: Сталин умер в результате заговора. Как он был умерщвлен? Или коллапс, о котором сказано в официальном сообщении, но как следствие шока от заседания Политбюро с последующим вредительским лечением, или яд замедленного действия, полученный от Берии. Авторханов приводит улики как для первого, так и для второго случая.

Первая версия якобы принадлежит Илье Эренбургу, который рассказал о ней в 1956 году французскому философу и писателю Жан-Полю Сартру. Она обошла всю мировую печать. Вот как изложила эту версию немецкая «Ди Вельт».

Первого марта 1953 года происходило заседание Президиума ЦК КПСС. На этом заседании выступил Л. Каганович, требуя от Сталина: 1) создания особой комиссии по объективному расследованию «дела врачей», 2) отмены отданного Сталиным распоряжения о депортации всех евреев в отдаленную зону СССР.

Кагановича поддержали все члены старого Политбюро, кроме Берии. Это необычное и небывалое единодушие показало Сталину, что он имеет дело с заранее организованным заговором. Потеряв самообладание, Сталин не только разразился площадной руганью, но и начал угрожать бунтовщикам самой жестокой расправой. Однако подобную реакцию на сделанный от имени Политбюро ультиматум Кагановича заговорщики предвидели. Знали они и то, что свободными им из Кремля не выйти, если на то будет власть Сталина. Поэтому они приняли и соответствующие предупредительные меры, о чем Микоян заявил бушующему Сталину: «Если

через полчаса мы не выйдем свободными из этого помещения, армия займет Кремль!» После этого заявления Берия тоже отошел от Сталина. Предательство Берии окончательно вывело Сталина из равновесия, а Каганович, вдобавок, тут же, на глазах Сталина, изорвал на мелкие клочки свой членский билет Президиума ЦК КПСС и швырнул Сталину в лицо. Не успел Сталин вызвать охрану Кремля, как его поразил удар: он упал без сознания. Только в шесть часов утра второго марта к Сталину были допущены врачи. (Интересно, а как бы могли развиваться дальше события на этом совещании, если бы со Сталиным удар не случился? – А.К.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.